

Музыка и бензин

Брамсовский фестиваль взял быстрый старт

Андрей Хрипин

Если называть вещи своими именами, то сегодняшняя индустрия классической музыки более всего заинтересована в паблисити, рекламе и прочей анонсной продукции и менее всего – в осмыслении процесса, анализе тенденций и отдельных конкретных событий. Реальностью взаимоотношений прессы и музыкального пиара давно стали такие вещи, как всевозможные бартеры, зависимость попадания на концерт от наличия анонса или даже косвенный фейс-контроль нежелательных критиков для посещения концертов. Хотя для пущей красоты и независимости позиции у журналистов всегда есть выход воспользоваться дорогими (или не очень) билетами на общих основаниях. В связи или не в связи с этим мы хотим извиниться перед нашими читателями за великого и ужасного Йо-Йо Ма – он не приедет, хотя везде по центру города висят растяжки про «виолончель номер один», а все СМИ дружно успели отметить в очереди анонсов – куда их девать теперь?

Брамс давно уже больше чем композитор, это мерило почти что всего на свете, и в Доме музыки очень расстраивались, что плохо продаются билеты на его именной фестиваль. Тем не менее в последний момент народ сказал Брамсу «да», положительно решив один из краеугольных вопросов интеллигенции. За пять минут до начала стало ясно, что партер и первые ряды амфитеатра могут остаться совсем пустыми, контроль был снят, и наполовину проданный зал «сверху вниз» под завязку заполнился отнюдь не припоздавшими VIP'ами, а истинными любителями музыки, преимущественно немолодого возраста.

Концерт открытия состоял из одного Немецкого реквиема. Год назад мы слушали его «на том же месте, в тот же час» в исполнении спиваковского оркестра под управлением Томаса

Зандерлинга, а теперь эстафету принял БСО Владимира Федосеева – оркестр высокой репутации, традиционно качественный, с большой (хотя и непростой) историей, входящий наравне с РНО и НФО в тройку лидеров на московском концертном рынке. Велась профессиональная запись, и у рта двух солистов впервые на нашей памяти здесь, в Москве, и в публичной ситуации красовались, как у поп-звезд, не слишком маленькие желтые радиомикрофоны. Впрочем, двойственная задача петь одновременно на запись и для зала не мешала пунктуальному и в то же время звучному баритону из Австрии Бенно Шоллumu демонстрировать мощную немецкую традицию. Сопрано же Майя Дашук, казалось, наоборот, была захвачена лишь интересами записи, из-за чего несколько перестаралась с пиано – в стремлении к стандартам новой европейской стилистики в симфоническом вокале (бестембровость, бесцветность) ее «тихое пение» временами грозило перейти в пренебрежение публикой.

На следующий вечер в БЗК состоялась еще одна, на сей раз вполне светская встреча с Максимом Венгеровым по поводу присуждения ему Фондом Башмета премии имени Шостаковича (25 тыс. долл). VIP-галерею на сцене и в зале возглавляли вдова композитора Ирина Шостакович, Мстислав Ростропович и Никита Михалков в кожаном пиджаке, который своей непосредственностью во вступительном слове задал всему мероприятию весьма домашний неофициальный тон. Это было весьма кстати, поскольку главные герои – Венгеров и Башмет – связаны узами давней дружбы, они познакомились на одном из вокзалов Германии, когда Максиму было 13 лет, и с тех пор «дядя Юра» и «Максимиыч» являются для них естественным обращением друг к другу.

Полученную премию Максим обещал тратить на струны и бензин. ■